

88 К
21246

АКАДЕМИЯ НАУК ССРСР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ПРОВЛЕМЫ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

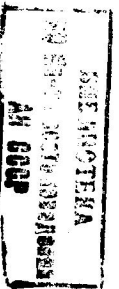
Сборник научных трудов

Ответственный редактор
доктор филологических наук Л.Д. Шагдаров

Книга 25279

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

и в то же время аналитизм находитя еще в стадии формирования⁶. В результате в языке сосуществуют старые синтетические формы и новые аналитические конструкции. Язык переживает переходный этап от синтетического строя к аналитическому. Примером может служить французский язык.

Из сказанного выше следует, что процесс взаимодействия аналитической и синтетической систем проходит четыре этапа:

- 1) этап аналитического строя;
- 2) переходный этап от аналитического строя к синтетическому;
- 3) этап синтетического строя;
- 4) переходный этап от синтетического строя к аналитическому.

Развитие языка не может останавливаться на последнем названном этапе рано или поздно аналитический способ выражения грамматических понятий должен вновь возобладать над синтетическим. Тогда язык в целом приобретает опять аналитический строй. Примером может служить английский язык.

Может показаться, что здесь круг замкнулся: исходили из аналитического строя и пришли к нему же. Между тем круг не может замкнуться, так как мы имеем дело с развитием по спирали, в каждом обороте поднимающимся выше, на следующую ступень развития. Следовательно, в языке, где в наше время преобладает синтетический строй, через определенный исторический период может возобладать аналитический строй. И наоборот, в языках, где в наше время преобладает аналитический строй, может вновь возникнуть и возобладать синтетический строй на более высоком уровне. На основе высказывания акад. А.П. Баранникова о служебных словах древне- и новониндийских языков⁷ можно сделать вывод, что в этих языках полный кругооборот совершился в течение примерно пяти тысяч лет.

Сказанное лишь раз подтверждает бесспорность спора, начатого датским ученым О. Есперсеном, о преимуществе аналитических языков. Как нам кажется, достоинство грамматического строя того или иного языка может быть объективно оценено, если будут рассматриваться прежде всего такие вопросы: а) степень охватности необходимых грамматических значений соответствующей категоризальной системой; б) отсутствие или наличие дробных грамматических понятий; в) логическая последовательность и стройность категоризальных систем и г) широта и удобство использования имеющихся категоризальных систем для выражения мысли на современном этапе развития человеческого общества. При этом необходимо учесть, что отсутствующие в данном языке грамматические категории и средства могут быть легко компенсированы лексическими средствами.

Теперь, возвращаясь к вопросу, с которого начали наше рассуждение, мы можем предположить, что аналитическая и синтетическая системы в грамматическом строе языка представляют собой разные этапы одного и того же процесса, разные стороны одной и той же закономерности.

П р и м е ч а н и я

- 1 См.: Банзаров Д. Собр. соч. - М., 1955. - С. 195; Бертаев Т.А. Черелование фонем и сингармонизм в аргикопинативных языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. - М.; Л., 1965. - С. 135; Цыдыпов Ц.Ц. Фонетика ба морфологи заалга. - Улаан-Удэ, 1961. - С. 27.
- 2 Бертаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. - М., 1969. - С. 52.
- 3 См.: Бертаев Т.А. Морфологическая структура... - С. 114.
- 4 Хакунин Л. Развитие и структура финского языка. - Ч. 1. - М., 1968. - С. 83-84.
- 5 Александров Н.М. О взаимосвязях аналитических и синтетических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов. - М.; Л., 1965. - С. 119.
- 6 Боролина М.А. Синтез и анализ в современной и исторической грамматике французского языка // Аналитические конструкции в языках различных типов. - М.; Л., 1965. - С. 153.
- 7 Баранников А.П. Флексия и анализ в новониндийских языках. - Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. востоковедческих наук. - Л., 1949. - Вып. 1. - С. 11.

Е.К. С к р и б н и к

О СТАТУСЕ КОНСТРУКЦИИ

С ИНФИНИТНЫМИ ПЛАТОЛЬНЫМИ ФОРМАМИ

В СИСТЕМЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНОГО СИНТАКСИСА

(на материале бурятского языка)

В алтаистике до сих пор остается дискуссионным вопрос о статусе конструкций, возглавляемых инфинитными формами глагола - деактивными, причастно-падежными, причастно-последоконными и др.; ряд исследователей считает предложение с их участием сложными, другие же - простыми, осложненными "оборотами". В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть проблемы, связанные с категоризацией таких конструкций, на материале бурятского языка.

Оценки конструкций как простых или сложных в грамматических традициях, связанных с описанием языков народов СССР, испытывают значительное влияние со стороны русистики; это естественно, поскольку в нашей стране русская грамматическая традиция, как наиболее развитая, играет роль теоретической опоры при описании языков других систем. Именно отсюда в национальные традиции поступают основные понятия и термины описания; а термин "сложное предложение" в русских грамматиках описывается преимущественно бидинитные конструкции с союзной связью.

Однако в аргайских языках, языках с агглютинативной морфологией, преемы связи единиц уровня словосочетания и предложения существенно отличаются от тех, которые используются в индоевропейских флективных языках. Здесь прослеживается значительная общность способов связи на разных синтаксических уровнях. Специфику полипредикативного уровня очень удачно описала Е.И. Убрятова на материале якутского языка: "Все синтаксические конструкции, простые и сложные, в том числе и предикативные сочетания... сочетаются с другими словами, сочетаниями слов и предложениями теми же способами, какими связываются отдельные слова в простом предложении"¹. Использование падежных аффиксов или постлогов, таким образом, — техника, естественная для агглютинативного языка: деепричастные же показатели, происходящие которых удается проследить, восходят обычно к причастно-падежным формам, специализировавшимся в определенной функции, оторвавшимся от парадигмы и превратившимся в самостоятельные формы глагола.

Глагольная форма, в структуру которой входят такие показатели, разумеется, может функционировать только как инфинитивная. Конструкция с зависимой частью, возглавляемой такой формой, передается в аргайских языках практически все синтаксические значения, выражаемые в русском и других европейских языках бифинитивными союзными конструкциями. Соответственно для аргайских языков характерны мощные системы инфинитивных форм глагола: так, в бурятском языке выделяется около 15 деепричастных форм², в своей противоположенности друг другу выражающих разные типы отношения между действиями, названными финитивным глаголом и деепричастной формой (временные, условные, целевые и т.д.); около 10 частных форм (без учета отрицательных их вариантов)³, многие из которых способны выступать в роли зависимого сказуемого, присоединяя падежные показатели или служебные слова (послелоги и др.). Небольшая часть всех этих форм образует только такие конструкции, в которых зависимое действие автоматически относится к подлежащему финитивного глагола, как в случае с русскими деепричастными; значительно же большая их часть способна образовывать также конструкции с отдельным субъектом в зависимой части. Однако форма имени, называющего этот субъект, специфична — в бурятском это преимущественно родительный падеж, очень редко немаркированный⁴. Добавим, что субъект может выражаться и при помощи причастительных показателей, традиционно связываемых в аргайских языках с именем (ср. термин "причастительное склонение"); сразу становятся понятны трудности с категоризацией таких конструкций, если теоретической опорой для нее является синтаксическая терминология русистики. Она предоставляет всего две крупные классификационные рубрики для первого этапа анализа: сложное предложение или простое, ослуженное инфинитивным оборотом (принем русские инфинитивные формы ни по широте функций, ни по способности к дальнейшему формообразованию несравнимы с аргайскими).

Дискуссия об аргайском сложном предложении, многократно ос-

ведывавшаяся в литературе⁵, практически сводится к попыткам подогнать все разнообразие аргайских конструкций под это терминологическое "прокрустово ложе". Предлагались разные определения термина "сложное предложение", критерии, которыми должна удовлетворять конструкция для признания ее сложной. Самая жесткая система критериев предлагалась М.Ш. Ширалиевым, Т.А. Бертаевым и др.

Эти требования состоят в том, чтобы зависимое сказуемое было выражено финитивной формой глагола, чтобы подлежащее при нем имело форму прямого, а не косвенного падежа и чтобы зависимая часть присоединялась к главной посредством союза⁶. Другие исследователи не делали упора на требования финитивности, хотя нередко выделяли другие ограничения. Так, в традиции, идущей от Н.К. Дмитриева, причисленными предложениями считаются причастные и деепричастные конструкции, имеющие собственное подлежащее, в противном случае они оцениваются как обороты в составе простого предложения⁷. Бурятоведы обращают внимание и на падеж "субъектного имени", как именуется аналог подлежащего в инфинитивной конструкции: если это прямой падеж, то конструкции называются не просто оборотами, но номинативными оборотами, а некоторые и "недостаточными предложениями"⁸.

Выход из этого спора, имеющего не случайный, а терминологический характер⁹, представляется в следующем. Очевидно, что существующих терминов недостаточно для описания аргайских сложных конструкций. Необходимо разрабатывать раздел типологического синтаксиса в системе общего языкознания, создавать гибкую понятийно-терминологическую систему, которая позволила бы описывать под структурным и функционально-семантическим углом зрения все разнообразие конструкций в языках разного строя, выделять типологические существенные их признаки и задаваемые ими классы. Такая разработка, разумеется, должна идти параллельно с описанием материала конкретных языков и на базе его¹⁰. В этом направлении сделано уже многое.

Прежде всего, введен родовый термин, интегрирующий исходные понятия "сложное предложение" и "простое ослуженное" и тем самым создающий предпосылки для их дальнейшей дифференциации (в итоге которой должны получиться отнюдь не две рубрики), — это "полипредикативная конструкция", термин, используемый сейчас синтаксической группой Отдела филологии ИИФФ СО АН СССР, исследующей синтаксис языков народов Сибири под руководством М.И. Черемисиной¹¹. Далее используется представление об анализе и синтезе на уровне полипредикативного синтаксиса, разработанное в тюркологии¹², — оно позволяет различать, во-первых, полипредикативные конструкции (ППК) с аналитическими показателями связи, которые присоединяются, естественно, к финитивным формам глагола; во-вторых, ППК с синтетическими показателями связи, которые являются морфемами в составе инфинитивной формы. Подвидом синтетического типа является аналитико-синтетический, характеризующийся осложнением инфинитивной формы разного рода служебными словами.

Дальнейшая структурная классификация должна учитывать целую серию взаимосвязанных параметров. Чрезвычайно полезным в анализе оказывается противопоставление моносубъектных и не-моносубъектных конструкций¹³, поскольку конструкции, способные реализовываться только во фразах с единственным отглагольным подлежащим, как правило, по структуре существенно отличаются от конструкций, способных реализовываться также во фразах с составными подлежащими в зависимой части (конструкции понимаются как единица языка, фраза — как единица речи¹⁴). Далее учитываются форма зависимого сказуемого (например, причастно-падежная, деепричастная либо финитная), форма зависимого подлежащего, тип личного оформления зависимого сказуемого с учетом взаимозависимости этих трех параметров и др.

Попытаемся теперь обрисовать в максимально сжатом виде наше представление о системе бурятского полипределкативного синтаксиса и о месте в ней конструкций с инфинитивными глагольными формами. Мы будем учитывать только конструкции с выраженными показателями связи, оставляя пока в стороне предложения, где наличие лишь непосредственное соположение частей (ср. русские бесосюзные сложные предложения).

В бурятском полипределкативном синтаксисе представлены все три типа конструкции: синтетический, аналитико-синтетический (т.е. синтетический с элементами анализа) и аналитический, причем впервые два безусловно являются ведущими — как по количеству моделей, так и по значимости выражаемых отношений. К синтетическому типу относятся конструкции деепричастные, причастно-падежные и причастные внепадежные (определительные). К аналитико-синтетическому типу относятся конструкции причастно-последовательные, причастные со служебными словами типа *хада* 'раз, поскольку', *даа* 'если', *аад* 'но', *кумэдаг* 'будто' и т.п., для которых пока не найдено урбологически-терминологического имени. К аналитическому типу относятся конструкции со скрепами, которые соединяют финитные формы глагола. Место этих скреп в предложении может быть различным. Если в конструкциях предельных двух типов скрепы-морфемы и примыкающие к ним служебные слова всегда располагаются в линейно первой части, замыкая ее, то аналитические скрепы могут располагаться и в конце первой части, и в начале второй, и в обеих частях одновременно. Проиллюстрируем эти три возможности.

1) Басаранши ойдо гар=аа гэжэ тутадарай офицэртэ хэл=ээ=гүй=6 (Тук., т.е., с. 25). — (Я) не сказал недавно офицеру, что твой дичь ушла в лес (т.е. к партизанам).

Здесь связь частей осуществляется при помощи союза *гэжэ* — формы соединительного деепричастия на *жа* от служебного глагола *говоряния гэрэ*; он присоединяется к первой части (тем самым она становится зависимой).

2) Ухибуу-дайнгээ баряад эрээ һаант, һээрэнтэ уһа руунь хаюу-удад, гитдээр ухибуудыншыг тоохобо боин=нхой (Лубс., с. 61). — Если дети (их) поют, (взрослые) назад в воду заставляють бросать, так что даже дети перестали обрывать (на них) внимание.

Здесь союзная скрепка открывает собой вторую часть. Так функционируют союзы наречного происхождения (*бада* 'снова; также', *эчээр* 'однако'); союзы, представляющие собой инфинитивные формы различных глаголов, прежде всего местоименных глаголов (*ии* (гэ)= 'делать вот так (близкое указание)' и *гит* (гэ)= 'делать так (отдаленное указание)'. В приведенном примере союз — форма прологитивного деепричастия на *таар* от глагола *гитэ*, передающая значение длительной одновременности с причинным отглаголом.

3) Хэн бидэниг мунжэ=нэ=6, хэн бидэниг дарга=на=6 — гэжэ манай эблэршэлгүй дайсад (Шалт., с. 331). — Кто нас эксплуатировал, кто нас угнетает, тот наш непримиримый враг (букв.: враги).

Здесь связь частей производится при помощи вопросительного местоимения (*хэн* 'кто') в первой части и соотносительного с ним указательного во второй (*гэжэ* 'тогда; он'). Сюда же примыкает конструкция, образуемая вопросительной частью *гү*, примыкающей к обилию сказуемых, и союзом *эли* 'или', открывающим вторую часть.

Конструкции аналитического типа и некоторые из аналитико-синтетических описываются Т.А. Бергалаевым и Г.П. Пурбеевым как сложные предложения в противопоставлении простым осложненным (т.е. синтетическим); в их работах приведены обширные списки форм, признаваемых ими союзными¹⁵. Однако к этим спискам необходимо, с нашей точки зрения, добавить следующие термины: союзы на базе различных форм местоименных глаголов тесно связанные с синтетической подсистемой бурятского синтаксиса; список их велик именно потому, что в их формах дублируются все синтетические средства связи, имеющиеся в языке (деепричастные, причастно-падежные и т.д.). Их местоименный корень осуществляется деепричастную связь с предельным высказыванием, а оформляющие его суффиксы передают те типы смысловых отношений между предельными и последующей частями, которые вырабатаны в синтетической подсистеме. Необходимо при этом подчеркнуть, что такие союзы обычно связывают не два предложения в одно сложное, а высказывания разного объема в единый текст. Мы сделали сплошную выборку объемом в 400 единиц из пяти источников (см. Список условных сокращений); только в 16 случаях из 400 такие союзы употреблены в середине предложения, в 331 случае — в начале предложения и в 53 случаях — в начале абзаца:

Оёо асуудал ха юм,
Тигэ=бэшыгэ үблэ хураалтын дуурэтэр үшөө эхэ сар бий байба (Тул., с. 49). — Сложный вопрос. Но хотя и так, до окончания сеноса еще много времени.

Следовательно, такие скрепы имеют лишь косвенное отношение к собственно полипределкативному синтаксису и должны изучаться в первую очередь на уровне синтаксиса текста.

Аналогичным образом — при помощи деепричастных и т.п. показателей — образуются скрепы на базе глагола говоряния *гэрэ*, вводящего прямую речь, оформленную как независимое предложение. Однако отнюдь не все эти формы можно считать союзами. Грамматикализация в целом имеет место, но не у всех форм и в разном

объеме. Так, если форма соединительного деепричастия (гэжэ) практически превратилась в союз, то форма разделительного деепричастия (гээд) чаще функционирует как подсоюзная. Сравним:

1) Убгэ сабшаха гэшэ нимэ хушэр юм байна гэжэ ойндло болдоноб (Тул., с. 22). — Про себя думаю, (что) до чего же трудно косять сено;

2) Ойгто гуш? — Гээд минни урдаха шаруукээр хараад абаба (Тул., с. 15). — Понял? — сказав (так), строго взглянул на меня.

Формы глагола гээ требуют дополнительного изучения под этим углом зрения.

Аналитических конструкций за пределами массивов со скрепами на базе местоименных глаголов и глагола гээ остаются считанные единицы; частотность их употребления сравнительно невелика, передавая значение достаточной специализированности, иначе говоря, они принадлежат периферии бурятского полипредикативного синтаксиса. Периферия же место в нем занимают конструкции синтаксические и аналитико-синтетические, организуемые инфинитивными формами глагола, как самые частотные и передающие самые существенные для синтаксической системы типы значений: все временные, причинные, условные и другие обстоятельственные отношения, значительно часть изъяснительных отношений 1б. и т.д. Это система прямо противоположная русской в том смысле, что синтетические конструкции там накладываются на периферию, а ядром являются конструкции аналитические, союзные. В чем же заключается специфика инфинитивных конструкций бурятского языка на фоне союжных конструкций?

Резкие формальные отличия в построении "оборотов" и независимых предложений, а именно инфинитивная форма глагола вместо финитной, при наличии имени субъекта родительный падеж вместо неопределенного, притяжательные показатели вместо лично-предикативных, не могут не иметь содержательной интерпретации. Обычно с ними связывают отсутствие/наличие предикативности "как комплекса значений модальности, времени и лица, которые выявляются в структуре подлежаще-сказуемой связи" 17. Однако в зависимости от синтетических конструкций выражаются грамматические категории модальности/времени и лица, дело лишь в том, что они свиваются в относительноный план. Они ориентированы не на акт коммуникации непосредственно, а на соответствующие категории финитного глагола. Релятивация временного значения наблюдается и у финитных форм в европейском сложном предложении; в бурятском же языке релятивируются не только категории времени, но и категория лица и этот сдвиг закреплен в различии морфологических показателей.

Обратимся вначале к категории лица. В бурятском языке она имеет независимую (абсолютную) и зависимую (относительную) реализацию; в первом случае используется лично-предикативные аффиксы, во втором — притяжательные. О том, что показатели притяжения при оформлении инфинитивных глагольных форм выражают лицо исполнителя действия, писали многие исследователи 18; относительно-

ный его характер впервые зафиксировала на эвенкийском материале Л.М. Бродская 19. Действительно, показатели субъектного (возвратного, безличного) притяжения при инфинитивной форме указывают на тождество субъекта этой формы и главного глагола (относит. зависимое действие к подлежащему главному предложению). Показатели личного притяжения указывают, во-первых, на нетождество субъекта главного и зависимого действий, во-вторых, на лицо субъекта зависимого действия. Приведем примеры.

1) Инженер болохо=доо мэдэхэ=бди (Бат., с. 47). — Когда станем инженерами, узнаем.

Здесь зависимая часть возглавляется формой причастия будущего времени на хэ в дательном-местном падеже (=д), выражающей общую временную соотношенность ("когда"); мы выбрали эту форму в качестве иллюстративной как одну из самых распространенных инфинитивных форм бурятского языка. Аффикс субъектного притяжения (=оо) относит зависимое действие к субъекту финитного глагола, выраженному лично-предикативными показателями 1-го л. мн. ч. (=бди). Лицо главного сказуемого может быть любым, сравним:

Инженер болохо=доо мэдэхэ=б. — Когда стану инженером, узнаю;
 " " " мэдэхэ=ш. — Когда станешь... узнаешь;
 " " " мэдэхэ=я. — Когда станет... узнает;
 " " " мэдэхэ=т. — Когда станете... узнаете и т.д.

2) Минни (род. п.) угтеегүүр болдохо=до=минни угы байгаа хэн (Бат., с. 31). — Когда в утром встала, (его) не было; Гэртээ эрэ=хэ=дэ=шини, абагшини малшанда ошохоё байха (Цыл., с. 131). — Когда приедешь домой, твоя старшая сестра будет собираться к пастухам; Нараса эж=ын (род. п.) үнээдээ туужа ошохо=до=нь, би бухы юумээ бэлдэхэ=б (Бат., с. 4). — Когда бабушка будет выгонять коров, я все пригтовлю; фонаря аһав=ха=дэмнай бухы юумэн харагдана (Бат., с. 25). — Когда зажигаем фонарь, все видно; Ганай (род. п.) эрэ=хэ=дэ=гнай Цыбаан эрээгүүй байгаа хэн түү? (Дамб., с. 38). — Когда вы приехали, Цыбан (еще) не вернулся?

В этих примерах аффиксы личного притяжения показывают, что субъект действия в зависимой части не совпадает с подлежащим главного предложения, и одновременно выражают лицо при инфинитивной глагольной форме в абсолютных координатах (1-е л. ед. ч. =мини, 2-е л. ед. ч. =шини и т.д.).

Эти же примеры демонстрируют относительное временное значение формы на хэ=да: приблизительно одновременно зависимого действия и главного, к какому бы временному плану главное действие ни относилось (здесь представлены примеры с главным сказуемым в формах прошедшего, настоящего и будущего времени).

Время и модальность мы, вслед за А.П. Володиным и В.С. Хравковским, рассматриваем как единую категорию, "в рамках которой временная огнесенность выступает как способ обозначения реальности" 20. То же относится и к инфинитивным формам с относительным значением. Так, форма на хэ=да в предложениях, где глав-

ное сказуемое не имеет модального значения реальности, приобретает условный оттенок значения, т.е. отражает в относительном плане характеристику главного действия как нереального:

Танад гавсал Базарга харэртэй болохо-доо баше, юрэнхд-дөөшье манайда орожо байхтй (Цылд., с. 91). — Вы не только когда/если у вас есть дело к Базару, но и просто так захаживайте к нам! Нэрээд тийгэйн байка гэж тэрэинь харэха-даа этгээр (Бат., с. 28). — Когда/если помотришь на нее, можно поверить, что и выпавду так и есть.

Таким образом, мы показали на примере конструкций с формой «ха=да», что в синтетических конструкциях с инфинитивными формами глагола выражаются модальность/время и лицо, но в относительном плане. Следовательно, специфика таких конструкций состоит не в отсутствии предикативности, а в относительности всех категорий, формирующих предикативность. Это явление можно назвать зависимой (относительной) предикативностью²¹.

Отсюда можно сделать следующий общий вывод. Для системы бурятского синтаксиса чрезвычайно важно различение сообщения о независимом, самостоятельном событии и о событии, поставленном в какое-либо отношение к другому событию. Такие сообщения строятся по совершенно различным схемам. Независимый предикативный узел оформляется по структурной схеме "подлежащее в прямом падеже — сказуемое в финитной форме", если брать только личные предложения; категории финитного сказуемого формируют независимую предикативность в абсолютных модально-временных и личных координатах. Зависимый предикативный узел оформляется по схеме "подлежащее в родительном падеже — сказуемое в инфинитивной форме"; в состав инфинитивной формы входит показатель факта и характера зависимости действия от главного; категории инфинитивного сказуемого формируют зависимую предикативность в относительных модально-временных и личных координатах, через соотнесенность этих координат зависимого действия с координатами главного.

П р и м е ч а н и я

- 1 Урятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка: Сложное предложение. — Кн. 1. — Новосибирск, 1976. — С. 7.
- 2 Грамматика бурятского языка: Фонетика, морфология. — М., 1962. — С. 279-292; Цылшов П.-Ж.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. — Улан-Удэ, 1972. — С. 37-46.
- 3 Грамматика бурятского... — С. 266-279; Цылшов П.-Ж.Ц. Аналитические конструкции... — С. 46-48.
- 4 См., например, Пюрбеев Г.Ц. Специфика падежного оформления субъекта в инфинитивных конструкциях монгольских языков // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. — Новосибирск, 1981. — С. 80-88; Талджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. — М., 1973; и др.

5 Применительно к тюркологич. см.: Урятова Е.И. Исследования по синтаксису... — С. 14-24; в монголистике — Дондуков У.-Ж. Ш. Об изучении грамматического строя бурятского литературного языка // К изучению бурятского языка. — Улан-Удэ, 1969. — С. 29-49; в тунгусо-маньчжуроведении — Бродская Л.М. Причастные и децпричастные конструкции в составе сложноподчиненного предложения // Инфинитивные формы глагола. — Новосибирск, 1980. — С. 32-36.

6 Циррагеев М.Ш. Сложноподчиненное предложение в азербайджанском языке // Вопр. языкознания. — 1956. — № 1. — С. 94-95; Бергагеев Т.А., Цылендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка: Синтаксис. — М., 1962. — С. 179.

7 Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. — М.; Л., 1940. — С. 192; из монголистов — Алексеев Д.А. К вопросу о синтаксисе сложного предложения // Зап. Бур.-монг. н.-и. ин-та культуры. — Улан-Удэ, 1947. — Вып. 4. — С. 123; Касьяненко З.К. Придаточное предложение и оборот в монгольском языке // Проблемы филологии стран Азии и Африки. — Л., 1966. — С. 3-10.

8 Бергагеев Т.А., Цылендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского... — С. 172.

9 Иванов С.Н. К проблеме придаточных предложений в тюркских языках. Изяснительные причастные конструкции в узбекском языке и вопрос о трансформах // Тюркологический сборник—1977. — М., 1981. — С. 115.

10 Черемисина М.П. О переплетениях и первых результатах коллективного сопоставительного исследования сложного предложения в языках разных систем // Способы выражения полипредикативности. — Новосибирск, 1978. — С. 4.

11 Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. — Новосибирск, 1979. — С. 12.

12 История вопроса см.: Урятова Е.И. Исследования по синтаксису... — С. 19-20.

13 Черемисина М.И. Моносуъектная конструкция. Понятие и типология // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. — Новосибирск, 1980. — С. 6-33.

14 Черемисина М.И. Сложное предложение как знак языка // Синтаксис алтайских и европейских языков. — Новосибирск, 1981. — С. 3-36.

15 Бергагеев Т.А., Цылендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского... — С. 207-220, 228-270; Пюрбеев Г.Ц. Типы сложных предложений в монгольских языках. — М., 1979. — С. 23-27 и др.

16 Скрибник Е.К. Падежные аффиксы причастий как показатели связи в полипредикативном предложении (на материале бурятского языка) // Инфинитивные формы глагола. — Новосибирск, 1980. — С. 44-58; Черемисина М.И., Скрибник Е.К. Опыт формального описания причастно-последующих конструкций

бурятского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях. - Новосибирск, 1980. - С. 38-76; Черемисина М.И., Санданова М.Р. Винительный падеж в системе предикативного склонения причастий бурятского языка // Структурные и функциональные типы сложных предложений. - Новосибирск, 1982. - С. 126-142.

17 Горбеев Г.Ц. Типы сложных предложений... - С. 12.

18 Урятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка: Простое предложение. - М.; Л., 1950. - С. 46; Васильев Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. - Л., 1940. - С. 9; Балакаев М.Б. Современный казахский язык: Синтаксис. - Алма-Ата, 1959. - С. 123; и др.

19 Бродская Л.М. К вопросу о дифференциации именных глгольных форм в эвенкийском языке // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. - Якутск, 1972. - С. 29.

20 Володин А.П., Храковский В.С. Об основании выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. - Л., 1977. - С. 42-53.

21 Ср. термин "зависимая сказуемость" (Касьяненко З.К. Придаточное предложение... - С. 8; Карабаева Л.А. Придаточные дополнительные предложения со сказуемым - причастием в винительном падеже в современном монгольском языке // Лингвистические исследования - 1978: Проблемы грамматического строя языка. - М., 1978. - С. 33), "ковенная предикативность" (Бродская Л.М. Придаточное как член парадигмы предложения // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. - Новосибирск, 1980. - С. 181) и др.

Л.А. Павлов

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

КАЛМЫЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Калмыки - народ монгольского происхождения. Историческое их самоназвание - ойраты, что означает "союз близких между собой племен". Этот союз состоялся в основном из четырех родственных племён, единых в языковом и этническом отношении, поэтому назывался дэрбан ойрад "четыре ойрата"¹. Ойраты были покорены и присоединены к Монгольской империи в 1207 г.

Об ойратах персидский учёный Рашид-ад-дин (1247-1318) писал: "Юртом и местопребыванием этих ойратских племён было Восьмиречье (Секиз-мурэн). В древности по течению этих рек сильно шлема тумет. Из этого места вытекают реки, (потом) все

вместе соединяются и становятся рекой, которую называют Кам; последняя впадает в реку Анкара-мурэн. Имена этих рек таковы: Кок-мурэн, Ом-мурэн, Кара-усун, Санди-тун, Укри-мурэн, Аккар-мурэн, Джурча-мурэн и Чаган-мурэн. Эти племена еще издревле были многочисленны и разветвлялись на несколько отраслей, у каждой в отдельности было отдельное название..."²

Как пишет У.Э. Эрдниева, "надегети сочинения персидского историка полагают, что река Кам - это Енисей, так как в своих истоках носит название Улу Кам (Большой Кам) и Камчик (Маленький Кам)"³.

В "Истории Монгольской Народной Республики" также сказано, что в области Секиз-мурэн (Восьмиречье) обитали ойраты⁴, "Под Восьмиречьем (Секиз-мурэн) имеется в виду Приангарский край", - пишет Г.Н. Румянцев⁵.

После присоединения к монгольской империи ойраты, всегда жившие обособленно на окраине монгольского мира, во второй половине XIII в. расселились в Западной Монголии и Тарбагатайском крае. Паление в 1368 г. монгольской Юаньской династии в Китае привело к дальнейшей консолидации ойратов на указанной территории и образования отдельного Джунгарского государства. Ойратские племена постепенно превратились в ойратскую народность, составив определенную общность, говорящую на относительно едином языке.

О языке ойратов Рашид-ад-дин писал: "Несмотря на то, что их язык монгольский, он (все же) имеет небольшую разницу от языка других монгольских племён... (Ойраты) всегда имели государя и вождя"⁶. Исходя из этого, можно заключить, что язык ойратов в ту эпоху действительно представлял собой один из диалектов монгольского языка.

Волжские же ойраты, отделившись от джунгарских в конце XVI в., добровольно вошли в состав Русского государства в начале XVII в. Они постепенно расселились на огромном пространстве в степях Нижнего Поволжья, Предкавказья, Дона, а также Урала и Оренбуржья.

Русские, как и тюркские народы, всех ойратов Поволжья и Джунгарии называли калмыками. В тюркоязычном мире ойраты по-вместному получили название калмак, т.е. народ, отделившийся, отколовшись от общемонгольской империи.

В России постепенно начала складываться особая калмыцкая народность, а вместе с тем и калмыцкий литературный язык. В своем историческом развитии он прошел три периода. Ранний, или общемонгольский, период продолжавшийся до конца XIV в., характеризуется тем, что в это время язык ойратов, предков калмыков, представлял собой один из диалектов монгольского языка; использовался и общемонгольский письменный язык "Худма бичиг". Средний период делится на два этапа. На первом, охватывающем конец XIV и первую половину XVII в., вместе с формированием ойратской народности формируется самостоятельный ойратский язык. Завершается этот этап в середине XVII в. созданием старокалмыцкого